

Фишер Е. Ароматы «Вишневого сада» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1939. 9 ноября. № 9773. С. 4.

Ароматы „Вишневого сада“

Когда я оглядываюсь назад, на театральную жизнь, пройденную мной, мне кажется немного странным, что я никогда не видел «Вишневого Сада», хотя, если вдуматься, ничего странного в этом нет: молодежь периода Великой Войны интересовалась больше такими пьесами, как «Генрих Наварский», «Мемблированные комнаты королевы», «Душа, тело и платье» и т. д., но никак не Чеховым.

И может быть поэтому, пройдя все чистилища войн и революций, так глубоко ощущаешь всю неизбывную и тонкую печаль этой пьесы, весь ее далекий аромат, всю поэзию не-существующей России, о которой студент Трофимов говорит, что вся она «была прекрасным и великим садом».

Все-же судьба была благосклонна и дала мне возможность прикоснуться к «бледно-розовым цветам» и унести память о них с собой в самый грустный момент моей жизни.

Был декабрь 1917 года и Н-ское военное училище, последнее оставшееся неразрушенным в быстро советизирующейся России, напряженно ждало приближения стрелки к пяти часам. В этот час должна была окончиться его жизнь, и юнкера старшего курса, уже произведенные в офицеры, и юнкера младшего курса, уже мечтающие, как и они будут разбирать вакансии в любимые полки, — всё это, по приказу советского главноверха должно было перейти в первобытное состояние. Должно было сразу прекратить строго организованную жизнь и войти в толщу скорби и страданий русского народа.

Сумерки окутывали город так же обычно и спокойно, как они делали это каждый день, и река, прикрывшись туманом, несла громадные льдины, соединяя далекие берега белым, блестящим мостом. Всё было как и вчера. Только шаги запоздавших прохожих хрустели тревожно-быстро по снегу пустеющих улиц, и в близлежащих домах грустиво гасли одно за другим огоньки, подмигивая друг другу: «мы не хотим знать», «нас не касается».

Ровно в 5 часов началась канонада. Туман, встрепенувшись, поплыл вниз по течению реки. Стрельба усиливалась с каждым часом. Но природе, как всегда, было мало дела до людских войн и до людских революций: лунный свет щедро обливал своим серебром притаившиеся улицы, темные тени тянулись от зданий, и мороз покрывал где-то среди длинных полей дров.

Командир 3 роты капитан Ш. приказал выяснить, что за странные огоньки мелькают время от времени в окнах городского театра. Перебежка удалась прекрасно. Но внутри огромного, холодного и темного здания было жутко, казалось, что кто-то прячется в извилистых длинных коридорах; кто-то притаился и подглядывает из окошечка кассы, из телефонной будки, из лож бенуара... Тихо обошли мы все четыре этажа, заглянули во все закоулки; с невольным волнением прошли по мертвой сцене, где только несколько дней тому назад звучала героическая речь Генриха IV, прекрасной королевы Марго и сумасшедшего Людовика. Всё было так, как бывает в пустом и покинутом здании: больше боишься своих шагов, чем чего либо другого и мы уже готовились покинуть театр, чтобы доложить капитану, что всё спокойно, и в театре ничего нет... как вдруг где-то далеко внизу стукнула дверь. Едва дыша, погасив свечу, ощупью пробирались мы коридорами театральными уборных. Спускались по винтовой лестнице, освещенной лунным светом, падающим откуда-то из невидных, высоко расположенных окон, и остановились, пораженные и встрево-

женные до глубины души, перед открытой дверью.

На первом плане был огромный котел парового отопления, покрытый седой пылью, дальше раскинулись на висящие своды подвального помещения театра; у стен старые потрепанные декорации, нагроможденные, с прорванными сиденьями, стулья. Посредине несколько столиков с горящими на них свечами, два старых дивана, а вокруг двигающиеся горящие люди.

Звуки артиллерийского и пулеметного огня едва делались сюда. И актеры играли с таким спокойствием, с такой уверенностью, что мы позабыли, что настоящая сцена — где-то вверху над нами, что нам надо выяснить, зачем они здесь, пастьяснить им, что у нас даже есть убитые и раненные. Но слова великой пьесы были так дивно прекрасны, так манили нас к новой жизни, которая придет через сто, двести лет, и так трагически предрекали нашу печальную действительность, что у нас не хватило решимости остановить их.

В то время, как снаружи люди убивали друг друга, в подвальном помещении городского театра шла репетиция «Вишневого сада». Умирала старая жизнь, уезжала за границу Раневская, рубил столетние деревья Лопухин засыпал вечным сном бедный Фирс, и вся Россия отдавалась в неискусные руки «недотеп».

Кто-то из нас стукнул прикладом ружья, и пьеса замерла, как звук лопнувшей струны... Актеры считали себя в безопасности в театре и от скуки готовили пьесу, которая уже была назначена в рождественском репертуаре. За восемь дней войны мы частенько снабжали труппу провизией и свечами.

Когда небольшое количество нас, юнкеров, с большими трудностями пробралось в Маньчжурию, из всего, что осталось у меня от России, было несколько «бледно-розовых цветов» из «Вишневого сада», глубоко запрятанные в записную книжку моего сердца.

Актер Т. Р. Драмы.
Е. Фишер.